

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 6 (117). С. 17–29.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 6 (117), pp. 17–29.

Научная статья
УДК 81.22, 81.112
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-6-117-5>
EDN: IRMKHQ

**Об эволюции значений турецких глагольных имен действий
с показателями *-ma* и *-mak***

Маргарита Эмильевна Дубровина
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
maggydu@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7170-6217>

Аннотация. В данной статье мы рассматриваем определение границ функционального поля двух продуктивных для современного турецкого языка и близких по значению форм имен действий: формы *-ma* и формы *-mak*. Исследование проводится в рамках диахронического подхода, когда значения и сферы функционирования этих форм последовательно анализируются на материале более древних языков, которые признаются в качестве генетических предшественников турецкого языка: древнетюркских языков и староанатолийско-тюркского языка. В результате мы приходим к выводу о том, как складывались значения этих форм, а также их отношения внутри структуры языка.

Ключевые слова: вербалии, функциональные формы глагола, глагольно-именные формы, масдар, форма *-ma*, форма *-mak*, отглагольное имя на *-ma*, инфинитив в турецком языке

Для цитирования: Дубровина М. Е. Об эволюции значений турецких глагольных имен действий с показателями *-ma* и *-mak* // Вестник Череповецкого государственного университета. № 6 (117). С. 17–29. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-6-117-5>

**On the evolution of the meanings of Turkish verbal action nominations
with indicators *-ma* and *-mak***

Margarita E. Dubrovina
St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia
maggydu@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7170-6217>

Abstract. This article explores the functions of two action nomination forms: *-ma* and *-mak*. These forms are productive in modern Turkish and have similar meanings. The study is carried out within the diachronic approach, according to which the meaning and functioning sphere of these forms are consistently analyzed on the material of more ancient languages, which are recognized as the genetic predecessors of the Turkish language: the ancient Turkic languages and the Old Anatolian-Turkic language. As a result, it is found out how the meanings of these forms developed and how their relations were distributed within the structure of the language.

Keywords: verbalities, functional forms of the verb, verb-nominal forms, masdar, form *-ma*, form *-mak*, verbal noun *-ma*, infinitive in Turkish

© Дубровина М. Э., 2023.

For citation: Dubrovina M. E. On the evolution of the meanings of Turkish verbal action nominations with indicators *-ma* and *-mak*. *Cherapovets State University Bulletin*, 2023, no. 6 (117), pp. 17–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-6-117-5>

Введение

Задачей нашего исследования является анализ двух глагольно-именных форм современного турецкого языка, значения которых близки друг другу. Во-первых, необходимо определить, насколько рассматриваемые формы схожи в семантическом отношении: являются ли они полными морфологическими синонимами или же между ними есть различия. Если различия обнаруживаются, необходимо детально их описать. Во-вторых, для того чтобы выявить значимость грамматической формы, часто бывает недостаточно рассмотреть ее только в аспекте синхронии языка. Для этого необходимо использовать методы диахронического анализа. В случае с турецким языком историческая ретроспектива может стать достаточно показательной и позволит лучше понять функции формы и специфические черты, которые присущи ей в синхроническом срезе. Благодаря анализу письменной традиции мы зафиксировали предшествующие стадии турецкого языка, нашедшие свое выражения в языках более древних эпох: в древнетюркских языках (в языке рунических памятников и в древнеуйгурском языке) и в староанатолийско-тюркском языке, а также в языке разных этапов османского периода. Таким образом, исследование велось в рамках диахронического аспекта и имело целью проследить эволюцию формирования структуры отношений рассматриваемых форм, а также складывание морфологических значений и возникновение стилистических особенностей у каждой из них.

В тюркском языкознании нечасто касались данной темы. В основном информацию об указанных формах возможно найти в общих грамматиках различных тюркских языков, в которых она дана довольно кратко и преимущественно описательно¹. Советские тюркологи изредка прибегали к детальному изучению этих форм в турецком языке². В последнее время стали появляться работы, посвященные рассматриваемым формам, однако в этих работах либо анализируются функции одной из форм³, либо проводится сравнительный анализ употребления одной из форм с другими глагольными именами данного языка⁴. Необходимо констатировать, что исследований семантики и функций этих форм относительно друг друга, а тем более в диахроническом плане, не проводилось.

Касательно термина, который точнее всего отражал бы природу данных форм, между учеными существуют серьезные расхождения. Указанные формы, начиная с момента их пристального изучения, именовались лингвистами по-разному: неопре-

¹ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1956. 571 с.

² Соколов С. А. Анализ значений и употребления отглагольных имен на *-dik* и на *-ma* в сравнительном плане // Труды Военного института иностранных языков. 1954. № 6. С. 67–79.

³ Мешадиева А. Э. Сравнительно-исторический анализ инфинитива на *-ma* / *-me* в тюркских языках // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6 (37). С. 39–43.

⁴ Оганова Е. А. Из опыта преподавания турецкого глагольного имени на *-ma* русскоязычным студентам // Актуальные вопросы тюркологических исследований. К 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, 2016. С. 72–81.

деленная форма глагола, неопределенное наклонение, неокончателное наклонение, глагольная форма цели, целевой глагол или супин, инфинитив, масдар, неопределенно-именная форма глагола, глагольное имя, имя действия, отглагольные существительные¹. С 60–80 гг. XX в. в употребление вошел термин «имя действия», который, по мнению большинства исследователей-тюркологов, наиболее точно соответствовал сущности этих форм². Так, Б. К. Кутлымуратов отмечал: «... Из всех перечисленных выше более подходящим является термин “имена действия”, так как термины “отглагольные имена” и “инфинитив” не полностью отвечают содержанию категории имен действия в тюркских языках по той причине, что в изолированных отглагольных именах (существительные и прилагательные) глагольные признаки не сохраняются, а в именах действия глагольные признаки сохраняются»³.

Содержательная сторона имен действий с показателями *-так* и *-та* также является предметом длительных дискуссий и разногласий. Тем не менее, резюмируя мнения ученых и тюркологических школ, можно выделить основные свойства данных форм, которые заключаются в совокупности признаков и функций имен существительных и глаголов. По мнению турецких исследователей, корень или основа этих глагольных форм передают явление, действие или состояние без соотнесения с категорией лица и времени⁴.

По мнению профессора В. Г. Гузева (1939–2021), основоположника концепции вторичного гипостазирования, исследуемые имена действия являются глагольными субстантивами, которые объединяются в одну категорию (категорию номинализации действия) по причине наличия у них общего языкового значения «опредмеченного» действия, т. е. действия, которое окказионально, при наличии коммуникативной потребности, представляется как предмет⁵. Обнаруживается, что термин «глагольный субстантив» действительно наиболее точно отражает природу этих форм, поскольку они, не переставая быть глаголом, в то же время обладают и предметным значением. Последнее сближает их с именами существительными с точки зрения морфологического изменения и тех синтаксических функций, которые они выполняют в высказывании. Как резюмирует О. Дениз-Йылмаз, эти формы, как и имена существительные,

¹ См. обзор терминологии: Мешадиева А. Э. Сравнительно-исторический анализ инфинитива на *-ма* /*-ме* в тюркских языках // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6 (37). С. 40.

² См., напр.: Неталиева Х. Н. Имена действия в современном казахском языке (формы на *-у*, *-мак*): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата: [б. и.], 1963. 27 с; Мелиев К. Имена действия в современном уйгурском языке. Москва: Наука, 1964. 44 с; Тойчубекова Б. Имена действия в киргизском языке: автореф. дис ... канд. филол. наук. Фрунзе: [б. и.], 1968. 32 с.

³ Кутлымуратов Б. К. Имена действия в современном каракалпакском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нукус: [б. и.], 1968. С. 4.

⁴ Korkmaz Z. Türküye Türkçesi Grameri (Şekil bilgisi). Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2009. S. 865–866; Banguoğlu T. Türkçenin grameri. Ankara. 1974. S. 420.

⁵ Гузев В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение. 1976. С. 58; Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол (на материале староанатолийского-тюркского языка). Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1990. С. 118.

«могут принимать именные словоизменительные аффиксы (т. е. аффиксы множественности, принадлежности и падежей)», могут взаимодействовать с послелогоми и в высказываниях могут выполнять субстантивную синтаксическую функцию (т. е. могут быть именным сказуемым, подлежащим, определением, определяемым, дополнением, дополняемым, обстоятельством и обстоятельственным уточнением).¹

Таким образом, формулировка общего инвариантного языкового значения данных форм благодаря концепции о вторичном гипостазировании (В. Г. Гузев) представляется законченной. Актуальным продолжает оставаться определение индивидуальных семантических признаков каждой из названных форм, что обусловлено как практическими соображениями, т. е. стремлением усовершенствовать методику преподавания турецкого языка, так и чисто теоретическими – через конкретизацию частных свойств каждой формы указать ее место в системе языка, и тем самым отграничить одну форму от другой.

Основная часть

Диахронический ряд зафиксированных тюркских языков возглавляет язык, на котором были составлены первые письменные памятники древних тюрков, записанные руническим письмом, которые разделяются на две группы: орхонские и енисейские. Несмотря на огромную значимость этих текстов для многих аспектов духовной культуры тюркских народов и на важность первого языка тюрков как источника для многочисленных лингвистических изысканий, попытки обнаружить формы имен действий в имеющихся рунических надписях к положительному результату не привели. Находящийся в арсенале тюркологической науки фактический материал памятников рунической письменности на сегодняшний момент не дает достоверных сведений для обнаружения субстантивных форм с исследуемыми морфемами. Анализируя объемные по содержанию орхонские эпитафии и многочисленные более мелкие енисейские тексты, специалисты не обнаружили случаев употребления формы *-таq* или формы *-та*. Ни в классической монографии А. Н. Кононова (1906–1986)², ни в вышедшем спустя полвека фундаментальном труде М. Эрдала (род. 1945)³ нет указаний на существование данных форм, по крайней мере, в письменном варианте языка того периода. Все приводимые В. В. Радловым (1837–1918) примеры с формой *-таq*, по мнению ряда ученых, являются спорными⁴.

Впервые форма глагольного субстантива, имени действия фиксируется в другом древнетюркском языке, на котором были написаны памятники древнеуйгурского письма, и образуется посредством морфемы *-таq*. По словам Н. Н. Телицина, эта форма «в материале памятников древнеуйгурского языка, по всей видимости, вы-

¹ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 43.

² Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1980. 255 с.

³ Erdal M. A. Grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004. 575 p.

⁴ Телицин Н. Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол / под редакцией В. Г. Гузева. Санкт-Петербург: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 227.

ступает в качестве единственной глагольной субстантивной формы»¹. Ареал употребления формы *-maq* в древнеуйгурском языке был довольно широким, в текстах зафиксированы все возможные случаи употребления этой формы: и вне каких-либо категорий, и в сочетании с аффиксами падежей или принадлежности². Рассматриваемая форма могла представлять «опредмеченное» действие как соотношенное со своим производителем, так и вне указания на него, т. е. максимально отвлеченное. Данное обстоятельство едва ли дает основания называть форму с показателем *-maq* инфинитивом³, т. е. средством передачи в языке максимально абстрактного действия, лишённого информации о времени совершения и о своем производителе. Данная форма могла выступать в высказывании в качестве любого члена предложения.

Интересны примеры употребления этой формы в качестве определений в изафетных сочетаниях как в полном изафете, так и в относительном, а также случаи сочетания этой формы с аффиксами принадлежности.

1. *Jemä yduq bodi tözüg tantaqlamaqnuñ (maq+nuñ (GEN)) uyrāju ğyn kertü tyłtaıy belğülärtin ödrülmäk erür*⁴. («Особенно правильная причина понимания светлой натуры “bodhi” состоит в избавлении от знаков»)⁵.

2. *Ölürmük saqynğyn täñri burqañ etözintä qan ötürtümüz*⁶ («Мы выпустили кровь из тела божественного Будды с мыслью об убийстве») (букв. ‘с мыслью убить’).

Полагаясь на фактический материал древнетюркских языков, позволительно сделать вывод о том, что форма *-tak* возникла раньше, чем форма *-ta*.

В языке более позднего периода, в староанатолийско-тюркском, можно выделить вторую субстантивную форму глагола, а именно форму с показателем *-ta*. Однако случаи ее употребления в текстах очень редки. Возможно, что она в этот период являлась малопродуктивной и только входила в регулярное употребление. Всю основную семантическую нагрузку продолжала нести на себе форма *-tak*, поскольку она могла употребляться практически во всех субстантивных категориях: категории склонения и принадлежности.

В староанатолийско-тюркских текстах эта форма продолжает быть достаточно распространенной и ее морфологические возможности также широки, как и в

¹ Телицин Н. Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол / под редакцией В. Г. Гузева. Санкт-Петербург: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 226.

² Там же. С. 227–228.

³ Мешадиева А. Э. О некоторых субстантивных формах глагола в тюркских языках и их диалектах // *Filologické vědomosti*. 2018. № 1. С. 12–22.

⁴ Hazai G., Zieme P. *Fragmente der uigurischen Version des “Jingangjing mit den Gathas des meister Fu”*. Berlin, 1971. S. 180–182.

⁵ Примеры, транскрипция и перевод взяты из: Телицин Н. Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол / под редакцией В. Г. Гузева. Санкт-Петербург: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 179–230.

⁶ Bang V., Gabain A. von. *Türkische Turfan-Texte. IV: Ein neues uigurisches Sündenbekenntnis*. 1930. Bd. XXIV. S. 30.

древнеуйгурском языке. Так, форма могла функционировать в формах категории принадлежности:¹

3. *Jazgyl andan hālūmi bildürü, dün gün aqlamagum (aqlamak+um (1SG POSS)) vasf kylduru*². («Потом напиши, сообщи о моем состоянии, повели описать, как я плачу днем и ночью») (букв. ‘О моем «плакании»’).

4. *Gändü gändüni hiç aqmaguñ (aqmak+uñ (2SG POSS)) jok*³. («Ты совсем не вспоминаешь о самом себе»). (букв. ‘Нет твоего «вспоминания» о самом себе’).

В староанатолийских текстах форма *-mak* активно употреблялась в формах различных падежей, в том числе и в родительном. Подобных случаев в современном турецком языке на данный момент не встречается.

5. *Ölmägüñ (māk+üñ (GEN)) ma'nisi budur*⁴. («Смысл смерти (букв. ‘умирания’) таков»)).

6. *Ululik vä jüksäklük dārācāsınā ermägüñ (māk+üñ (GEN)) zahmāti ämāgi çokdur*⁵. («Требуется много труда и усилий, чтобы достичь ступени величия»). (букв. ‘усилий и труда у «достижения» ступени величия много’)).

Из этих примеров видно, что форма *-mak* как в староанатолийско-тюркском языке, так и в предшествующую эпоху, выступала в тех функциях, в которых в современном турецком языке стала выступать форма *-ta*.

В языке, отраженном в литературных памятниках раннеосманского и среднеосманского периодов, по-прежнему удастся обнаружить обе рассматриваемые формы. Необходимо заметить, что каждое конкретное произведение, входящее во временные рамки этого исторического этапа, может демонстрировать собственные речевые особенности в силу различной этнической принадлежности авторов этих произведений. Тем не менее, наблюдается общее явление – в языке этого периода не только в лексике, но также в области морфологии и синтаксиса исконно тюркские модели и формы начинают отходить на второй план, количество их употреблений в речи существенно сокращается под влиянием семантически близких арабских и персидских синтаксических и морфологических форм. Вследствие этого речевые функциональные особенности встречаемых в текстах тюркских грамматических форм не очень показательны в эволюционном отношении. В трактате XVI в., посвященном суфийскому учению Ахмада Ясави, под названием “Cevâhirü'l -Ebrâr min Emvâc-ı Bihâr”⁶ отмечается явное преобладание формы с показателем *-mak*. В тексте этого литературного произведения данная форма продолжает нести основную нагрузку по представлению действия в субстантивном виде. Тем не менее, частотность ее употребления значительно уменьшилась по сравнению со староанатолийско-тюркским языком. Фактический материал показывает, что форма *-mak* перестала употреблять-

¹ Примеры, транскрипция и перевод взяты из: Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1990. 165 с.

² Dilçin D. Şeyyad Hamza. Yusuf ve Zeliha. İstanbul, 1946. S. 84.

³ Там же. S. 51a.

⁴ Mansuroğlu M. Sultan Veled'in Türkçe manzumeleri. İstanbul, 1958. S. 1, 10.

⁵ Zajaczkowski A. Studja nad językiem staroosmanskim. I. Wibrane ustępy z anatolijsko-tureckiego przekładu Kalili i Dimny. W Krakowie, 1934. S. 27a.

⁶ Примеры и транскрипция взяты из: Hazini. Cevâhirü'l -Ebrâr min Emvâc-ı Bihâr. (Yesevî Menakıbnamesi). Doç.Dr. Cihan Okuyucu. Kayseri: Erciyes Üniversitesi matbaası, 1995. 219 S.

ся как с аффиксами принадлежности, так и с показателем родительного падежа, но все также употребляется в других падежных формах, выступая в высказывании в позиции прямого и косвенного дополнения.

7. ...*kütüb yazmaga izn verdiler*¹. («... дозволили писать книги»).

8. ... *marifetu'llah söylemege izn vermemek gerek*². («... нужно не позволять говорить, что сокровенное знание исходит лишь от Аллаха»).

Необходимо обратить внимание, что в аналогичных случаях в современном турецком языке используется форма *-ma* с показателем принадлежности.

9. *Evlüyâullah zümresinden olmaka niyyet-i mütevali girek*³. («Намерение стать одним из праведников, живущих в соответствии с предписаниями Аллаха, должно быть непрекращающимся»).

10. ... *ve helak itmek ister*⁴ («... желает изничтожить...»).

11. ... *ihya-i mülk-i batın için nefis-i mekkare-i emmare(yi) öldürmekte olur*...⁵ («...он постоянно смиряет позывы своей плотской, животной сущности для воскрешения своего внутреннего богатства») (букв. 'находится в состоянии уничтожения').

Также исследуемая форма сочетается с послелогом и употребляется в конструкциях со словами *gerek* (глагол), *lazım*.

12. ... *iman bilmek için*⁶. («...чтобы познать веру»).

13. ... *tefevvük ve tekaddüm virmemek gerek*⁷. («не следует отдавать превосходство и преимущество кому-либо»).

14. ... *ve hirasın olmak lazım*...⁸ («...должно быть опасующимся...»).

15. ... *Yeseviyye mezheblerine şifte olmak ile*...⁹ («...будучи увлеченным учением Ясави»).

Анализ фактического материала демонстрирует, что уже с конца XVI в. форма *-mak* получает функции, которые она выполняет и в современном турецком языке. Интересным является тот факт, что при явном сокращении функциональных возможностей формы *-mak* форма с показателем *-ma* не получает пока ни существенного развития, ни дополнительных функций. Объяснение этому, очевидно, стоит искать в особом положении османского языка как такового, ведь османский язык этой эпохи представляет собой еще довольно искусственное образование, возникшее как результат сочетания арабского и персидского языков.

Обращаясь к произведениям турецкой литературы, созданным в конце XIX–первой половине XX вв., отмечается особое функционирование рассматриваемых форм. В языке этого времени можно выделить и имя действия *-mak*, и имя действия *-ma* уже в качестве продуктивных и производительных морфологических форм. Однако взаимоотношения между ними сильно изменились. Форма *-mak* еще в XVI в.

¹ Hazini. Cevâhirü'l-Ebrâr min Emvâc-ı Bihâr. (Yesevî Menakıbnamesi). Doç.Dr. Cihan Okuyucu. Kayseri: Erciyes Üniversitesi matbaası, 1995. S. 109.

² Там же. S. 28.

³ Там же. S. 6.

⁴ Там же. S. 23.

⁵ Там же. S. 28.

⁶ Там же. S. 20.

⁷ Там же. S. 69.

⁸ Там же. S. 70.

⁹ Там же. S. 6.

потеряла способность сочетаться с аффиксами принадлежности, а также невозможным стало ее употребление в форме родительного падежа, т. е. в качестве первого компонента полной изафетной конструкции. К XIX в. эти свойства перешли к форме с показателем *-ta*. Кроме того, в этот период появились примеры довольно частого *вариативного* употребления этих форм в одних и тех же позициях.

Так, обе формы способны выступать в позиции дополнения в формах винительного и дательного падежей, а также употребляться в качестве определения в изафетной конструкции второго типа. При ближайшем рассмотрении становится понятным, что семантического различия в подобных употреблениях между рассматриваемыми формами практически не наблюдается.

16. *Kadı ikisini de dövmeğe kalkıştı*¹ («А Кадий принялся избивать обоих»).

17. *Biz başladık korkmağa*² («Мы начали бояться»).

18. *Çünkü hiçbir hırsız evine girmeğe güvenemezdi*³ («Потому что ни один вор не рассчитывал **проникнуть** в его дом»).

19. *Örtüye girmeden evvel bir kerecik babası ile denizi görmeğe gitmişti*⁴ («Прежде чем вновь надеть чадру, она с отцом пошла еще один разочек **взглянуть** на море»).

20. *Bu mübarek yere girmeğe nasıl cesaret edebilirdi?*⁵ («Как он мог посметь **войти** в это святое место?»).

В своем произведении «Дьявол внутри нас», впервые изданном в 1940 г., Сабаттин Али свободно чередует рассматриваемые формы в одинаковых с синтаксической и морфологической точек зрения позициях. Данный факт может указывать на то, что уже к середине XX в. в турецком языке эти имена действия стали восприниматься как синонимичные:

21. *Oğlan çocuklarla pazar günü gezmeğe gidip ...*⁶ («Сходив погулять с мальчиками в воскресный день...»).

22. *İyi bir haber almaya gidiyormuş gibi manasız bir hisle...*⁷ («С бессмысленным чувством словно бы идет, чтобы получить хорошую новость...»).

В синхронии современного турецкого языка в позициях прямого и косвенного дополнения (в формах винительного и дательного падежей) вместо *-tağa* употребляется сочетание *-maya*, вместо *-tağı* – *-mayı*. Регулярного перехода форм местного и исходного падежа с *-makta* и *-maktan* на *-mada* и *-madan* не наблюдается. На наш взгляд, использование форм *-maya* и *-mayı* мотивировано далеко не грамматическими факторами, когда носитель языка сознательно выбирает имя действие *-ta* вместо имени действия *-tak*, такое употребление может быть связано с причинами орфографического, орфоэпического или стилистического характера.

В литературных произведениях и в современной турецкой речи часто можно встретить случаи колебания в употреблении этих форм в позиции относительного изафета (изафета II).

¹ Ahmet Mithat. Ateş düştüğü yeri yakar. S. 42.

² Там же.

³ Ömer Seyyafettin. Falaka. Ankara, 2007. S. 143.

⁴ Там же. S. 145.

⁵ Там же. S. 148.

⁶ Sabahattin Ali. İçimizdeki Şeytan. İstanbul: Cem yayınevi, 1992. S. 42.

⁷ Там же. S. 43.

23. *Ne Seniha söylemek lüzümünü ne Hakkı Celis söylemek ihtiyacını duydu*¹. («Он не чувствовал необходимости сказать ни Сениха, ни Хаккы Челиш»).

24. *Fin halkının uzak geçmişini araştırmaya ihtiyacı duydular*². («Они чувствовали необходимость изучать далекое прошлое финского народа»).

Так, один и тот же автор в своем тексте может употребить как изафет с формой *-ma*, так и с формой *-mak*:

25. ... *aynı geleneği sürdürmek iddiasında olan birçok insandan karşı tepkiler geldiği de anımsatmak isterim*³. («Я хочу напомнить также и о тех реакциях, которые были направлены против большого количества людей, охваченных упрямым желанием продолжать ту же самую традицию...»).

26. *Her kesimde olduğu gibi halk ozanlığı geleneğini sürdürme iddiasında olanlarda da tutucu bir zümrenin olduğu gerçeği yabana atılmamalıdır*⁴. («Нельзя не принимать того, что среди тех, кто настаивает на продолжении традиции народной поэзии, как это было во все времена, присутствует и некая консервативная группа»).

27. *Sonuç alıyor ama kanunu çiğneme pahasına değil*⁵. («Он достигает результата, но не ценой нарушения закона»).

28. ...*başkalarını ya da birbirimizi incitme pahasına değil ama...*⁶ («...однако не ценой того, чтобы унижать других или кого-нибудь из нас»).

Таким образом, фактический материал современного турецкого языка демонстрирует, что форма с показателем *-ma* (без аффикса принадлежности) и форма с показателем *-mak* выступают морфологическими синонимами, их значение тождественно. Тем самым, по нашему мнению, нет смысла говорить о том, что в синхронии турецкого языка существует форма, которая имела бы некое самостоятельное значение в том случае, если она употребляется вне посессивной категории, т. е. без аффиксов принадлежности. В морфологии полные синонимы обнаруживаются намного реже, нежели в лексике. Морфология в этом отношении более строга, и морфологическая синонимия двух разных форм допускается очень избирательно, и то чаще всего на ограниченное время, по истечении которого формы начинают приобретать самостоятельные смыслы и расходятся в семантическом отношении. Так произошло и с рассматриваемыми формами, когда форма *-ma* обрела значимость только тогда, когда стала употребляться с аффиксом принадлежности. Следовательно, в системе современного языка с функциональной точки зрения необходимо выделять две формы: форму *-mak* и форму *-ması*. Данные формы не являются синонимами, но при этом каждая из них имеет свое функциональное поле.

Семантические отличия видятся в следующем.

В позиции подлежащего форма *-mak* употребляется в том случае, если речь идет о действии, производитель которого либо неизвестен, либо неинтересен / неважен для коммуникации. Другая форма употребляется только в том случае, если необхо-

¹ Yakub Kadri Karaosmanoğlu. Kiralık Konak. 18. Baskı. İstanbul 1998. S. 225.

² Anadolu'da Türkoloji. Ed. Öztürk Emiroğlu. 1. Baskı. Ankara: Akçağ, 2020. S. 225.

³ Metin Turan. Kültür-Kimlik Ekseninde Türk Edebiyatı. Ankara: Ürün Yayınları, 2015. S. 119.

⁴ Там же.

⁵ Reverso. URL: <https://context.reverso.net/translation/turkish-english/pahas%C4%B1na> (дата обращения: 20.03.2021).

⁶ Там же.

димо назвать производителя действия, если он определен, известен и является конкретным предметом.

В позиции дополнения функционально значимым становится иной признак – форма *-tak* будет использоваться тогда, когда производитель основного действия совпадает с производителем действия-дополнения. В случае различных производителей – дополнение оформляется формой *-ması*. В некоторых случаях, когда приписывание действий одному и тому же лицу происходит на уровне объективной действительности, в речи также происходит некое отождествление в виде употребления в позиции подлежащего масдара *-mak*, как показано в примере 29¹:

29. *Gürültülü müzik dinlemek beni rahatsız ediyor.* (букв. ‘Слушать громкую музыку меня раздражает’).

Выводы

Таким образом, основываясь на фактическом материале языков разных эпох, можно заключить следующее:

1. В языке древнетюркских рунических памятников исследуемые формы не зафиксированы.

2. В языке древнеуйгурских надписей выделяется форма *-tak*, которая выполняет все возможные функции, свойственные имени действию. Форма с показателем *-ta* не зафиксирована.

3. В староанатолийско-тюркском языке зафиксировано появление формы с показателем *-ta*, но форма *-tak* продолжает нести основную семантическую и морфологическую нагрузку в качестве ведущего имени действия. Форма с показателем *-ta* употребляется эпизодически, нерегулярно, в отдельных единичных случаях.

4. В османском языке XVI в. функции формы *-tak* заметно сокращаются: форма перестает сочетаться с аффиксами принадлежности и показателем родительного падежа. Начинают встречаться единичные и нерегулярные случаи употребления формы с показателем *-ta* с аффиксами принадлежности. Тем не менее, общее количество употреблений этих имен действий в языке ранне- и среднеосманского периода сокращается под влиянием арабских и персидских морфологических конструкций.

5. Турецкий язык (позднеосманского периода) (конец XIX–начало и середина XX вв.) – этап заключительного распределения функций между двумя именами действия. В связи с этим наблюдаются многочисленные примеры колебательных употреблений данных форм в позиции дополнения *-tağı / -mayı, -tağa / -maya*, а также в позиции определения в относительном (неполном) изафете *-ta / -mak*.

6. Турецкий язык (конец XX–начало XXI вв.) – форма *-ta* без аффиксов принадлежности теряет самостоятельное значение и становится аналогом формы *-mak*. Она приобретает свое значение только при присоединении посессивных показателей. Таким образом, возникает новая грамматическая форма с самостоятельным грамматическим значением – форма *-ması*.

Список источников

Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1990. 165 с.

¹ Hitit I. *Yabancılar için Türkçe*. Ankara: Ankara Üniversitesi Basınevi, 2005. S. 154.

Гузов В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Ленинград: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1976. С. 56–64.

Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 227 с.

Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. Москва, Ленинград: Издательство АН СССР, 1956. 571 с.

Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1980. 255 с.

Мелиев К. Имена действия в современном уйгурском языке. Москва: Наука, 1964. 44 с.

Кутлымуратов Б. К. Имена действия в современном каракалпакском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нукус: [б. и.], 1968. 24 с.

Мешадиева А. Э. О некоторых субстантивных формах глагола в тюркских языках и их диалектах // *Filologické vědomosti*. 2018. № 1. С. 12–22.

Мешадиева А. Э. Сравнительно-исторический анализ инфинитива на *-ma* / *-me* в тюркских языках // *Мир науки, культуры, образования*. 2012. № 6 (37). С. 39–43.

Неталиева Х. Н. Имена действия в современном казахском языке (формы на *-у*, *-мак*): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата: [б. и.], 1963. 27 с.

Оганова Е. А. Из опыта преподавания турецкого глагольного имени на *-ma* русскоязычным студентам // Актуальные вопросы тюркологических исследований. К 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, 2016. С. 72–81.

Соколов С. А. Анализ значений и употребления отглагольных имен на *-dik* и на *-ma* в сравнительном плане // *Труды Военного института иностранных языков*. 1954. № 6. С. 67–79.

Телицин Н. Н. Инфинитные формы глагола в древней уйгурском языке // *Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол / под редакцией В. Г. Гузова*. Санкт-Петербург: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 179–231.

Тойчубекова Б. Имена действия в киргизском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе: [б. и.], 1968. 32 с.

Ahmet Mithat. Ateş düştüğü yeri yakar // Яковлева Н. С. Турецкий рассказ. Новое время (70-е гг. XIX в.–10-е гг. XX в.). Хрестоматия. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1982. 92 с.

Anadoluda Türkoloji. Ed. Öztürk Emiroğlu. 1. Baskı. Ankara: Akçağ, 2020. 554 s.

Aziz Nesin. Şimdiki çocuklar harika. İstanbul, 1973. 203 s.

Bang V., Gəbain A. von. Türkische Turfan-Texte. IV: Ein neues uigurisches Sündenbekenntnis. 1930. Bd. XXIV. 431 s.

Bangoğlu T. Türkçenin grameri. İstanbul: Baha matbaası, 1974. 630 s.

Dilçin D. Şeyyad Hamza. Yusuf ve Zeliha. İstanbul, 1946. 312 s.

Hazai G., Zieme P. Fragmente der uigurischen Version des “Jingangjing mit den Gathas des meister Fu”. Berlin. 1971. 986 s.

Hazini. Cevâhirü’l-Ebrâr min Emvâc-ı Bihâr. (Yesevî Menakıbnamesi). Doç.Dr. Cihan Okuyucu. Kayseri: Erciyes Üniversitesi matbaası, 1995. 219 s.

Hitit I. Yabancılar için Türkçe. Ankara: Ankara Üniversitesi Basınevi, 2005. 199 s.

Korkmaz Z. Türküye Türkçesi Grameri (Şekil bilgisi). Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2009. 1224 s.

Mansuroğlu M. Sultan Veled’in Türkçe manzumeleri. İstanbul, 1958. 103 s.

Metin Turan. Kültür-Kimlik Ekseninde Türk Edebiyatı. Ankara: Ürün Yayınları, 2015. 224 s.

Ömer Seyfettin. Falaka. Ankara, 2007. 157 s.

Reşat Nuri Güntekin. Yaprak Dökümü. İstanbul: Ahmet Halit Kitabevi, 1944. 111 s.

Sabahattin Ali. İçimizdeki Şeytan. İstanbul: Cem yayınevi, 1992. 323 s.

Yakub Kadri Karaosmanoğlu. Kiralık Konak. 18. Baskı. İstanbul 1998. 256 s.

- Zajaczkowski A. Studja nad jezykiem staroosmanskim. I. Wibrane ustepy z anatolijsko-tureckiego przekladu Kalili i Dimny. W Krakowie, 1934. S. 1–98.
Erdal M. A. Grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004. 575 s.

References

- Guzev V. G. *Očerki po teorii tiurkского slovoizmenenii: Glagol (na materiale staroanatolijsko-tiurkского iazyka)* [Essays on the theory of Turkic word-formation: Verb (on the material of the Old Anatolian-Turkic language)]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1990. 165 p.
- Guzev V. G. Sistema imennykh form tiurkского glagola kak morfologicheskaja kategorija (na materiale staroanatolijskogo i turetskogo iazykov) [The system of nominal forms of the Turkic verb as a morphological category (on the material of the Old Anatolian and Turkish languages)]. *Turcologica. K semidesiatletiju akademika A. N. Kononova* [Turcologica. To the seventieth anniversary of Academician A. N. Kononov]. Leningrad: Izdatel'stvo "Nauka", Leningradskoe otdelenie, 1976, pp. 56–64.
- Deniz-Iylmaz O. *Kategorija nominalizatsii deistvija v turetskom iazyke* [The category of action nominalisation in Turkish]. St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. 227 p.
- Kononov A. N. *Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo iazyka* [Grammar of the modern Turkish standard language]. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956. 571 p.
- Kononov A. N. *Grammatika iazyka tiurkskikh runicheskikh pamiatnikov (VII–IX vv.)* [Grammar of the language of Turkic Runic Monuments (7th–9th cc.)]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1980. 255 p.
- Meliev K. *Imena deistvija v sovremennom uigurskom iazyke* [Names of action in the modern Uyghur language]. Moscow: Nauka, 1964. 44 p.
- Kutlymuratov B. K. *Imena deistvija v sovremennom karakalpakskom iazyke* [Action names in the modern Karakalpak language: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Nukus, 1968. 24 p.
- Meshadjeva A. E. O nekotorykh substantivnykh formakh glagola v tiurkskikh iazykakh i ikh dialektakh [On some substantive forms of the verb in the Turkic languages and their dialects]. *Filologičeské vědomosti*, 2018, no. 1, pp. 12–22.
- Meshadjeva A. E. Sravnitel'no-istoričeskij analiz infinitiva na *-ma / -me* v tiurkskikh iazykakh [Comparative-historical analysis of the *-ma / -me* infinitive in the Turkic languages]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [World of science, culture and education], 2012, no. 6 (37), pp. 39–43.
- Netalieva X. N. *Imena deistvija v sovremennom kazakhskom iazyke (formy na -u, -mak)* [Action nominations in the modern Kazakh language (forms on *-u, -mak*): Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Alma-Ata, 1963. 27 p.
- Oganova E. A. Iz opyta prepodavaniia turetskogo glagol'nogo imeni na *-ma* russkoiazыchnym studentam [From the experience of teaching the Turkish verb name with *-ma* to Russian-speaking students]. *Aktual'nye voprosy tiurkologičeskikh issledovanii. K 180-letiju kafedry tiurkskoi filologii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Topical issues of Turkicological studies. To the 180th anniversary of the Department of Turkic Philology of St. Petersburg State University]. St Petersburg, 2016, pp. 72–81.
- Sokolov S. A. Analiz znachenij i upotreblenija otglagol'nykh imen na *-dik* i na *-ma* v sravnitel'nom plane [Analysis of the meanings and use of *-dik* and *-ma* in comparison]. *Trudy Voennogo instituta inostrannykh iazykov* [Proceedings of the Military Institute of Foreign Languages], 1954, no. 6, pp. 67–79.
- Telitsin N. N. Infinitivnye formy glagola v drevneuigurskom iazyke [Infinitive forms of the verb in the Old Uyghur language]. *Očerki po teoreticheskoj grammatike vostochnykh iazykov*:

sushchestvitel'noe i glagol [Essays on theoretical grammar of Oriental languages: noun and verb: ed. by V. G. Guzev]. St Petersburg: Izdatel'skii dom SPbGU, 2011, pp. 179–231.

Toichubekova B. *Imena deistviia v kirgizskom iazyke* [Action nominations in the Kyrgyz language: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Frunze, 1968. 22 p.

Ahmet Mithat. Ateş düştüğü yeri yakar. *Iakovleva N. S. Turetskii rasskaz. Novoe vremia (70-e gg. XIX v.–10-e gg. XX v.)* [Turkish story. New Time (70-ies. 19th–10-ies. 20th c.): reading-book]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1982. 92 p.

Anadoluda Türkoloji. Ed. Öztürk Emiroğlu. 1. Baskı. Ankara: Akçağ, 2020. 554 s.

Aziz Nesin. *Şimdiki çocuklar harika*. İstanbul, 1973. 203 s.

Bang V., Gabain A. von. *Türkische Turfan-Texte. IV: Ein neues uigurisches Sündenbekenntnis*. 1930. Bd. XXIV. 431 s.

Bangoğlu T. *Türkçenin grameri*. İstanbul: Baha matbaası, 1974. 630 s.

Dilçin D. *Şeyyad Hamza*. Yusuf ve Zeliha. İstanbul, 1946. 312 s.

Hazai G., Zieme P. *Fragmente der uigurischen Version des "Jingangjing mit den Gathas des meis-ter Fu"*. Berlin. 1971. 986 s.

Hazini. *Cevâhiri'l -Ebrâr min Emvâc-ı Bihâr. (Yesevî Menakıbnamesi)*. Doç. Dr. Cihan Okuyucu. Kayseri: Erciyes Üniversitesi matbaası, 1995. 219 s.

Hitit I. *Yabancılar için Türkçe*. Ankara: Ankara Üniversitesi Basınevi, 2005. 199 s.

Korkmaz Z. *Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil bilgisi)*. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2009. 1224 s.

Mansuroğlu M. *Sultan Veled'in Türkçe manzumeleri*. İstanbul, 1958. 103 s.

Metin Turan. *Kültür-Kimlik Ekseninde Türk Edebiyatı*. Ankara: Ürün Yayınları, 2015. 224 s.

Ömer Seyfettin. *Falaka*. Ankara, 2007. 157 s.

Reşat Nuri Güntekin. *Yaprak Dökümü*. İstanbul: Ahmet Halit Kitabevi, 1944. 111 s.

Sabahattin Ali. *İçimizdeki Şeytan*. İstanbul: Cem yayınevi, 1992. 323 s.

Yakub Kadri Karaosmanoğlu. *Kiralık Konak*. 18. Baskı. İstanbul 1998. 256 s.

Zajaczkowski A. *Studja nad jezykiem staroosmanskim*. I. Wibrane ustepy z anatolijsko- tureckie-go przekladu Kalili i Dimny. W Krakowie, 1934. S. 1–98.

Erdal M. A. *Grammar of Old Turkic*. Leiden: Brill, 2004. 575 p.

Сведения об авторе

Маргарита Эмильевна Дубровина – кандидат филологических наук; <https://orcid.org/0000-0002-7170-6217>, maggydu@rambler.ru, Санкт-Петербургский государственный университет (д. 7/9, Университетская набережная, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия); **Margarita E. Dubrovina** – Candidate of Philological Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-7170-6217>, maggydu@rambler.ru, St Petersburg State University (7/9, Universitetskaia nab., 199034 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 07.08.2023; одобрена после рецензирования 08.09.2023; принята к публикации 25.09.2023.

The article was submitted 07.08.2023; Approved after reviewing 08.09.2023; Accepted for publication 25.09.2023.